

Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ

Л.В. Шкваря

Российский университет дружбы народов

В статье анализируется процесс интеграции в странах Совета сотрудничества арабских государств (ССАГПЗ), развивающегося с 1981 г. Региональная экономическая интеграция в рамках ССАГПЗ за прошедший период последовательно прошла несколько традиционных этапов: сформирована зона свободной торговли, действует таможенный союз, заложены основы общего рынка. И хотя в практике интеграции содержатся определённые изъятия, страны нацелены на создание полного экономического союза до 2025 г. В настоящее время ССАГПЗ остается одним из наиболее успешных интеграционных объединений развивающихся стран и единственным реально действующим в арабском мире. Проведённый автором анализ подтверждает, что в ССАГПЗ растёт доля внутрирегиональной торговли, хотя и менее высокая, чем у других интеграционных объединений, например, ЕС. Автор подчёркивает, что имеющиеся успехи ССАГПЗ на мировом рынке товаров и капиталов, привлечение значительных иностранных инвестиций и современных технологий, постепенная диверсификация национальных экономик во многом являются результатом углубления интеграционного процесса, взаимодействия в различных сферах и взаимной поддержки стран на мировом и региональном уровнях. Однако в ССАГПЗ, как регионе, остающемся одним из наиболее стратегически важных для мировой экономики, сохраняются противоречия и проблемы, которые активизируются под влиянием внутренних и, зачастую, внешних факторов, создавая кризисные ситуации. Одной из них стал «дипломатический кризис», начавшийся в 2017 г. и создающий ряд проблем в регионе и в арабском мире, оказывающий негативное влияние на интеграционные процессы.

На основе анализа статистических данных за 2009-2018 гг. автор обосновал вывод о том, что текущий «дипломатический кризис» наносит ущерб внутрирегиональной торговле, снижает динамику макроэкономических показателей, ухудшает положение стран ССАГПЗ на мировом рынке товаров и капиталов. Также он создаёт затруднения гражданам стран ССАГПЗ и компаниям, которые работают на этом рынке. Странам ССАГПЗ важно выработать механизм деэскалации кризиса, так как это соответствует экономическим и политическим интересам всех стран объединения и Ближнего Востока в целом, а также и мировой экономики.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения региональных экономических интеграционных процессов в субрегионе в контексте нарастающей глобальной нестабильности. Исследование вносит значительный вклад в понимание природы и особенностей интеграционных процессов в регионе БВСА.

УДК 334.021

Поступила в редакцию: 12.02.2020 г.

Принята к публикации: 15.03.2020 г.

Ключевые слова: ССАГПЗ, Ближний Восток, региональная экономическая интеграция, интеграционное объединение, региональное торговое соглашение (РТС), «дипломатический кризис», внешняя торговля, внутрирегиональная торговля

Региональная экономическая интеграция, появившаяся во второй половине XX в., получила широкое распространение. Этот процесс изучается исследователями практически с момента его возникновения с точки зрения его сущности, предпосылок, этапов, эффектов и т.д. (Viner 1950, Balassa 1961). Но современная экономическая интеграция как экономическое явление, безусловно, шире, глубже, полнее, чем практика европейской интеграции второй половины XX в., которую анализировали классики. И до настоящего времени формируются новые её особенности, эффекты, противоречия, особенно в объединениях развивающихся стран. Это актуализирует изучение региональной экономической интеграции в условиях как «старого», так и «нового» регионализма зарубежными исследователями (El-Agraa 1989). В работах отечественных авторов предпринимаются попытки выявить и систематизировать особенности экономической интеграции в объединениях развивающихся стран (Ломакин 2017), в том числе – роль внутренних (диверсификации и структурных трансформаций) (Русакович 2019) и внешних (геополитических) (Shkvarya et al. 2016) факторов в этом процессе.

На сегодняшний день объект исследования существенно расширился, так как количество интеграционных блоков (или региональных торговых соглашений, РТС, как упрощённо называет их ВТО) существенно возросло. Так, на 2020 г. в ВТО, зарегистрировано порядка 300 действующих РТС (см. рис. 1).

Из них, по данным ВТО, на развивающиеся страны приходится примерно 2/3 всех РТС. Это связано с повышением уровня экономического развития этих стран, ростом их торговли и заинтересованности во взаимовыгодном открытии национальных внутренних рынков, с включением в региональные и глобальные стоимостные цепочки, конкурентной борьбой за приток ПИИ, ростом платежеспособного спроса населения. Во многом благодаря именно развивающимся странам сегодня выявляются всё новые особенности региональной экономической интеграции.

Одна из таких особенностей, на наш взгляд, – усилившаяся противоречивость развития экономической интеграции в рамках региональных объединений. Именно этим объясняется, на наш взгляд, появление в конце XX в. такого феномена, как «недействующие» РТС. Очевидно, что интеграционные процессы в объединениях развиваются не равномерно и прямолинейно, как следует из теории интеграции, а предполагают спады и подъёмы, противоречия и конфликты наряду с успехами и достижениями. Кризисы и оживления в интеграционном процессе могут быть инициированы внутренними и внешними,

экономическими и политическими причинами. При этом более глубокая региональная экономическая интеграция, в том числе – наличие наднациональных регулирующих органов, зачастую помогает объединению, как свидетельствуют теория и практика, преодолеть кризисные явления. Подтверждения этому мы видим на примере ЕС, АСЕАН. С другой стороны, региональному интеграционному объединению, имеющему скорее декларативный характер, или сохраняющему многочисленные противоречия, преодолеть негативные процессы сложнее (или даже невозможно), и множество примеров это подтверждает (скажем, Союз арабского Магриба).

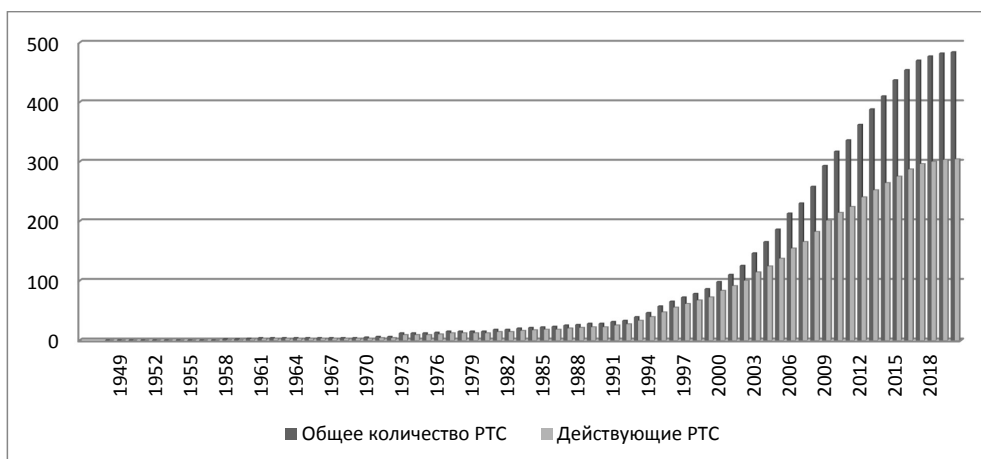

Рис. 1. Эволюция региональных торговых соглашений (РТС) в мире в 1948-2020 гг.

Pic. 1. The evolution of regional trade agreements in the world in 1948-2020.

Источник: составлено автором по материалам WTO¹.

Однако для дальнейшего развития теории и практики региональной экономической интеграции важно понимание развития «интеграционного конфликта» как приобретающего всё более широкие масштабы, в том числе в последние годы, и охватывающего как развитые (*Brexit*), так и развивающиеся страны. Одним из примеров последних выступает ССАГПЗ.

В данной статье автор ставит своей целью исследовать особенности развития интеграционных процессов и «интеграционного конфликта» с точки зрения влияния последнего на региональную экономическую интеграцию в ССАГПЗ в сфере торговли. Авторский статистический анализ основан на данных ЮНКТАД за 2009-2018 гг. (10 лет).

В первой части статьи анализируется динамика внешнеторгового оборота стран ССАГПЗ. Автором показано, что, несмотря на устойчивый рост внеш-

¹ WTO URL: <http://rtais.wto.org/UI/charts.aspx#> (accessed 17.04.2020).

ней торговли стран объединения, в ССАГПЗ в целом сохраняется высокая зависимость экспорта от углеводородного сегмента, несмотря на наличие некоторых положительных изменений в направлении диверсификации экспорта. Это обстоятельство остается скрытым источником проблем, в том числе – между странами. Во второй части систематизируются особенности интеграционного процесса в ССАГПЗ, а третья посвящена анализу влияния «катарского дипломатического кризиса» на интеграцию и торговлю стран ССАГПЗ.

Внешняя торговля стран ССАГПЗ

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) создан в 1981 г.² в составе Бахрейна, Катар, Омана, Кувейта, Саудовской Аравии и ОАЭ. В 1982 г. объединение поставило задачу формирования зоны свободной торговли (ЗСТ) как первого этапа развития экономической интеграции. Чёткие планы создания единого рынка появились в 2001 г.³ С 1 января 2003 г. ССАГПЗ приступил к формированию Таможенного союза с семилетним переходным периодом (до 2009 г.). Объявление в 2010 г. о создании валютного совета ССАГПЗ подтвердило желание стран-участниц работать над углублением интеграционных процессов, однако эти планы были впоследствии отложены в связи с экономическими проблемами в еврозоне в 2011 г.⁴ Формирование экономического союза ССАГПЗ предполагается к 2025 г.

Все эти меры направлены, прежде всего, на развитие торговли стран ССАГПЗ – как на глобальном, так и на региональном уровне. ССАГПЗ гораздо более интегрирован с внешним миром, чем другие страны арабского региона, из-за основополагающей роли нефти и газа в структуре экономики и торговли. Внешняя торговля стран ССАГПЗ, как один из важнейших источников валютных поступлений, имеет огромное значение для всех стран региона. В 2018 г. совокупный товарооборот ССАГПЗ достиг 1,3 млрд. долл. Традиционно стабильным остаётся положительное сальдо внешнеторгового баланса как ССАГПЗ в целом, так и всех стран-участниц, в частности.

Но в последние 10 лет внешняя торговля стран ССАГПЗ развивается достаточно неоднозначно, особенно по экспорту (рис. 2). Колебания стоимостного объёма экспорта объясняются динамикой мировых цен на углеводороды как основной экспортный товар. Регион по-прежнему страдает и от продолжающейся нестабильности мировой экономики, в том числе – тех решений, которые приняты Саудовской Аравией и Российской Федерацией в марте 2020 г., и от региональных конфликтов, которые привели к нарушению инвестиций и торговли.

² *Charter of the Gulf Cooperation Council (GCC)*. 1981. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (accessed 17.04.2020).

³ *GCC economic agreement 2001*. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAndAchievements/Achievements/EconomicCooperation/JointActionProcess/Pages/TheEconomicAgreement2001.aspx> (accessed 17.04.2020).

⁴ *The GCC Monetary Union agreement 2010*. URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/CognitiveSources/DigitalLibrary/Pages/Details.aspx?itemid=546> (accessed 17.04.2020).

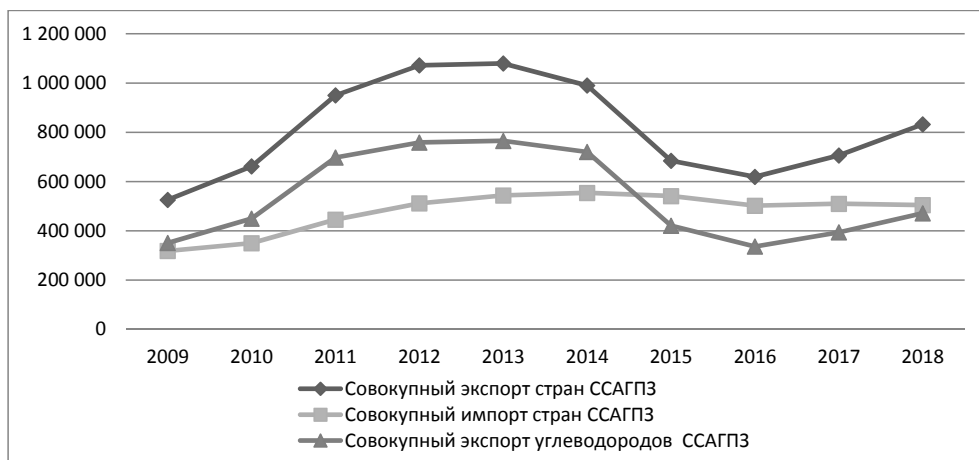

Рис. 2. Динамика совокупного экспорта и импорта ССАГПЗ (в том числе экспорта углеводородов) в 2009-2018 гг., млн долл.

Pic. 2. Dynamics of total exports and imports of the GCC (including hydrocarbon exports) in 2009-2018, million dollars

Источник: составлено и рассчитано автором по материалам UNCTAD5.

Тем не менее, как видно из анализа представленных данных (рис. 2), совокупный экспорт стран ССАГПЗ вырос с 525 854 млн долл. в посткризисном 2009 г. до 832 392 млн долл. в 2018 г., т.е. в 1,58 раза, в том числе за 2016-2018 гг. – в 1,34 раза.

Интересно отметить, что амплитуда динамики экспорта стран ССАГПЗ за исследуемый период превышала глобальный показатель – если рост, то выше среднемирового (за исключением 2013 г.), если падение – то глубже среднемирового. Так, в 2018 г. совокупный экспорт стран ССАГПЗ по стоимости вырос на 17,87%, в то время как мировой экспорт увеличился лишь на 9,71%. Доля экспорта стран ССАГПЗ в общемировом показателе составила в 2018 г. 4,279% (в 2009 г. – 4,188%).

Экспорт углеводородов стран ССАГПЗ увеличился в 2018 г. на 19,6% по сравнению с 2017 г. и на 40% по сравнению с 2016 г. За период 2013 – 2016 гг. страны ССАГПЗ зафиксировали снижение стоимости своего товарного экспорта (в том числе углеводородов) в основном за счёт снижения мировых цен на нефть. Однако рост цен на нефть в 2017 – 2018 гг. повысил стоимость экспорта этих стран. Следует отметить, что, если в 2009 г. экспорт углеводородов составлял 66,7% совокупного экспорта ССАГПЗ, то в 2018 г. – уже 56,6%. Следовательно, в относительном выражении сокращение доли углеводородов в совокупном экспорте составляет 9%, в то время как в абсолютном выражении имеет место его рост за исследуемый период на 306538 млн долл., или на 63%.

⁵ UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 17.04.2020).

По другим важным экспортным товарным позициям в ССАГПЗ в 2018 г. также наблюдалась положительная динамика: совокупный экспорт промышленной продукции вырос на 3% относительно 2017 г. и на 6% относительно 2016 г., тогда как в 2016 г. он снизился на 9,5% относительно 2015 г. Значимый для региона экспорт продукции химической промышленности увеличился за 2018 г. на 45%⁶. Всё это говорит об активизации процессов диверсификации в регионе как экономики, так и экспорта.

Если рассматривать экспорт ССАГПЗ в страновом аспекте (рис. 3), то можно говорить о сохранении дифференциации стран ССАГПЗ по стоимостному объёму экспорта, при этом лидером объединения в этой сфере с 2018 г. стали ОАЭ, на долю которых пришлось 38% совокупного экспорта блока. Торговля золотом, ювелирными изделиями, а также алюминием в 2018 г. укрепила позиции ОАЭ на мировых рынках, а диверсификация и наращивание экспорта – позиции ОАЭ как ведущего мирового торгового центра и центра и основного рынка технологических инноваций.

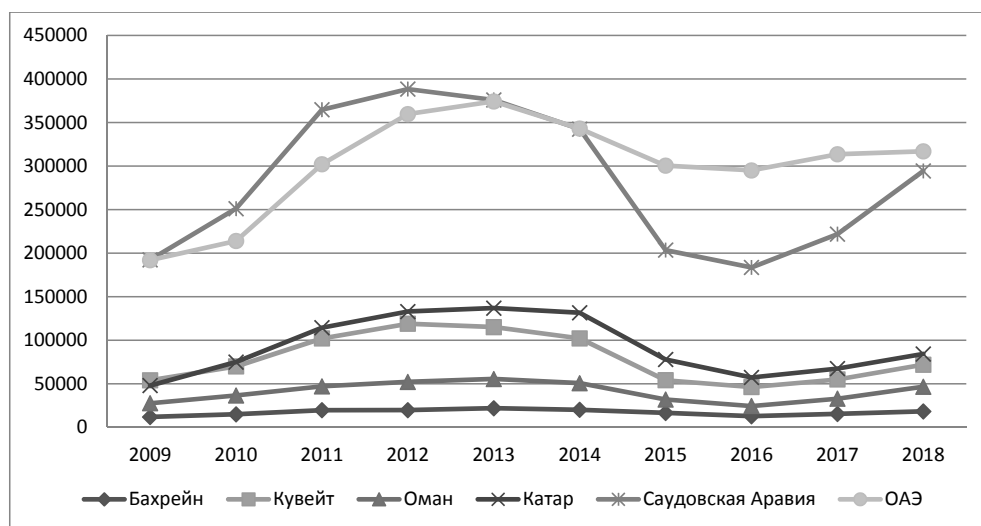

Рис. 3. Динамика экспорта стран ССАГПЗ в 2009-2018 гг., млн. долл.

Pic. 3. Export dynamics of GCC countries in 2009-2018, million dollars

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD⁷.

Интересно отметить, что Катар также увеличил свой совокупный экспорт, однако, главным образом, за счёт внерегиональной составляющей и роста цен на углеводороды на мировом рынке.

⁶ Рассчитано автором по материалам UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 17.04.2020).

⁷ UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 17.04.2020).

Более низкий уровень спада экспорта в ОАЭ в 2015 – 2016 гг. – по сравнению с другими странами ССАГПЗ, прежде всего Саудовской Аравией, – свидетельствует о большей степени диверсификации национальной экономики Эмиратов. Это относится и к достаточно стабильному Бахрейну – по той же причине. Однако доля ОАЭ в совокупном нефтяном экспорте ССАГПЗ не изменилась в 2009 – 2018 гг. и составляет 25%. Крупнейшим экспортером нефти в ССАГПЗ остаётся Саудовская Аравия (48% в 2018 г.), а крупнейшим экспортёром газа – Катар (63% в 2018 г. и 48% – в 2009 г.).

Что касается торговых партнёров по совокупному товарному экспорту стран ССАГПЗ, то в 2018 г. Китай занял 1-е место с долей в 15,1% от общего товарного экспорта на мировые рынки.

Следовательно, в целом можно говорить о том, что, хотя страны ССАГПЗ 20 лет, здесь сохраняются серьезные структурные проблемы, включая модель развития государства-рантье, которые затрудняют их экономическую диверсификацию вне углеводородного сектора, индустриализацию и развитие человеческого капитала (Mishrif, Al Balushi 2018).

Что касается импорта ССАГПЗ (рис. 4), то его общий уровень снизился на 1,3% в 2016 – 2017 гг. из-за снижения импорта двух крупнейших экономик объединения – Саудовской Аравии (-8,3%) и ОАЭ (-09,9%). Катар зафиксировал падение своего импорта на 1,9%. В то же время импорт в Оман, Бахрейн и Кувейт увеличился на 33,9% и 13,2% и 9,7% соответственно.

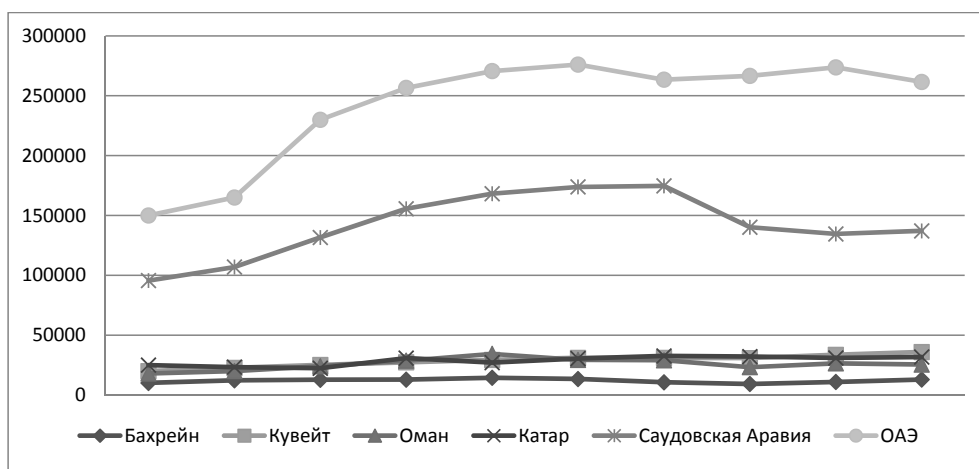

Рис. 4. Динамика импорта стран ССАГПЗ в 2009 – 2018 гг., млн долл.

Pic. 4. Dynamics of import of GCC countries in 2009 - 2018, million dollars

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD⁸.

⁸ UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 17.04.2020).

В 2018 г. имело место дальнейшее снижение импорта ССАГПЗ на 1,1% из-за снижения импорта ОАЭ и Омана на 4,4% и 3,9% за год соответственно.

Условия для импортеров в ССАГПЗ достаточно либеральны. Тарифы остаются относительно низкими (5%); однако сохраняется ряд нетарифных барьеров в торговле и существуют существенные ограничения на иностранную собственность на предприятия и недвижимость⁹.

Китай в 2018 г. занял 1-е место среди торговых партнеров ССАГПЗ по общему объёму импорта товаров, составив 17% от общей стоимости импорта товаров ССАГПЗ с мировых рынков, что составляет 75,2 млрд долл. США.

Страны ССАГПЗ улучшают условия доступа на мировые рынки за счёт стандартизации спецификации товаров, производимых в ССАГПЗ. ССАГПЗ позиционирует себя в качестве единой экономической единицы, что особенно важно в условиях сложившейся сложной глобальной торговой конъюнктуры. Эта «единица» имеет единую политику в контексте взаимодействия с внешним миром, ВТО и другими международными и региональными организациями в сфере торговли и инвестиций. ССАГПЗ реализует единую политику в сфере расширения экспортных рынков, улучшения условий доступа на эти рынки, повышения конкурентоспособности, защиты внутренних рынков, активизации роли частного сектора в развитии экспорта товаров и услуг¹⁰.

Интеграционные процессы в ССАГПЗ в 2010 – 2018 гг.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива уже с момента своего создания в 1981 г. предпринял важные шаги для достижения цели, прописанной в Уставе ССАГПЗ – «координации, интеграции и взаимосвязи между государствами-членами во всех областях на пути их к объединению»¹¹ и реализации многочисленных программ и проектов экономической и социальной интеграции между государствами-участниками. Цели ССАГПЗ, предусмотренные его уставом, заключаются в достижении наивысшей степени интеграции и взаимозависимости между государствами-членами во всех областях.

В своих документах страны традиционно отмечают важную роль экономической интеграции в развитии своих экономик, особенно с начала XXI в. (Al-Ubaydli, Jones 2018). Кроме того, как и в случае с Европейским союзом (ЕС), народная поддержка экономической интеграции усилена восприятием того, что она может ограничить возможность возникновения региональных войн (Nugent 2017).

⁹ Trade and Foreign Investment. Keys to Diversification and Growth in the GCC. *International Monetary Fund*. December 4, 2018. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/12/04/pp120618gcc-trade-and-foreign-investment> (accessed 17.04.2020).

¹⁰ GCC Cooperation and Achievements. URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/CooperationAndAchievements/Achievements/EconomicCooperation/CooperationinTrade/Pages/Objectives.aspx> (accessed 17.04.2020).

¹¹ *Charter of the Gulf Cooperation Council (GCC)*. 1981. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (accessed 17.04.2020).

На сегодня ССАГПЗ представляет собой общий рынок с элементами валютного союза (хоть и не состоявшегося). Согласно регламенту ССАГПЗ, товары и услуги могут свободно пересекать границы стран-участниц. Гражданам этих стран предоставлено право свободно перемещаться в границах ССАГПЗ, в том числе осуществлять коммерческую деятельность в сферах розничной и оптовой торговли, владеть акциями и создавать акционерные общества, а также заниматься инвестиционной деятельностью.

И хотя на практике соблюдение этих требований реализовано не в полной мере, странам удалось достичь значительного прогресса в экономической интеграции и получить положительные эффекты интеграции. Так, исследователи отмечают: «В рамках Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ) Бахрейн в значительной степени интегрировал свою экономику с экономикой своих пяти соседей – Кувейта, Омана, Катара, Саудовской Аравии и ОАЭ, а вершиной стал единый рынок ССАГПЗ, созданный в 2008 г. по образцу единого рынка ЕС» (Alasfoor 2007).

Экономическая интеграция в ССАГПЗ демонстрирует высокие темпы – Европейскому Союзу понадобилось в два раза больше времени, чтобы достичь уровня интеграции, который реализован в рамках Совета на данный момент (Федорченко 2010).

И хотя «...ограниченность данных не позволяет учёным окончательно продемонстрировать выгоды, полученные ... от экономической интеграции стран ССАГПЗ, целый ряд косвенных показателей свидетельствует о том, что эти выгоды были значительными. Это не должно вызывать удивления, поскольку экономическая стратегия правительств была основана на использовании экономической интеграции как способа привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а вместе с ней и создания новых рабочих мест и инновационного потенциала» (Looney 2013).

Одним из традиционных показателей региональной экономической интеграции остаётся внутрирегиональная торговля. Из представленных данных (рис. 5) видно, во-первых, что внутриблочная торговля в ССАГПЗ была нестабильной на протяжении исследуемого периода, но, во-вторых, имеет ярко выраженный рост. Так, если в 2009 г. внутриблочный экспорт стран ССАГПЗ составил 37918,51 млн долл., то в 2018 г. он достиг 84330,06 млн долл., т.е. вырос в 2,2 раза. В то же время доля внутриблочного экспорта ССАГПЗ в совокупном экспорте составляла в 2009 г. 7,2%, а в 2018 г. – 10,1% (или 5,1% регионального ВВП).

Внутриблочный импорт ССАГПЗ в стоимостном выражении составлял в 2009 г. 32294,19 млн долл., а в 2018 г. – 65175,869 млн долл. (рост в два раза) с долей внутриблочного импорта в совокупном импорте ССАГПЗ соответственно 10,1% и 16,7% (3,9% ВВП). При этом импорт внутри ССАГПЗ по-прежнему остается наименее значительным для двух крупнейших экономик – Саудовской Аравии и ОАЭ, хотя они имеют наибольший экспорт внутри ССАГПЗ (Sahib, Kari 2012: 224-225).

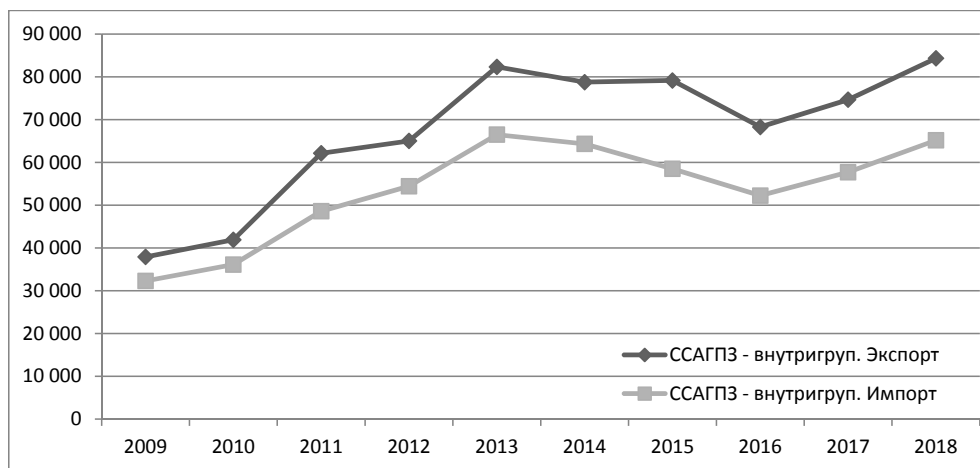

Рис. 5. Динамика внутриблоковой торговли стран ССАГПЗ в 2009 – 2018 гг., млн долл.

Pic. 5. Dynamics of intra-block trade of the GCC countries in 2009 - 2018, million dollars

Источник: составлено автором по материалам UNCTAD¹².

Внутриблоковый товарооборот ССАГПЗ составил в 2018 г. в совокупности лишь 9% от совокупного ВВП и 11% от совокупного товарооборота. В то же время он вырос за исследуемый период в два раза в стоимостном выражении, а в относительном – на 3%. Эти цифры свидетельствуют о том, что, хотя торговля внутри ССАГПЗ активно растёт, она всё ещё значительно ниже уровней, связанных с развитым региональным общим рынком, например, ЕС. Либерализация и рост торговли со странами, не входящими в ССАГПЗ, шли быстрее, чем на рынках внутри ССАГПЗ, и все страны ССАГПЗ по-прежнему сильно зависят от развитых стран в плане экспорта сырьевых и импорта потребительских товаров.

На эти обстоятельства (нестабильность внутрирегионального товарооборота и его незначительность) обращают внимание многие исследователи. Так, подчёркивается, что в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) исторически отмечается самая низкая доля внутрирегиональной торговли в процентах от общего объёма торговли по сравнению с аналогично развитыми регионами мира (Romagnolli, Mengoni 2009). Со своей стороны, Нечи (Nechi 2011) указывает, что ситуация выглядит более оптимистичной, если исключается нефтяной экспорт.

В ЕС, который всегда служит примером и образцом развития интеграционных процессов, за 2009 – 2018 гг. внутриблоковый экспорт, по данным

¹² UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en; (accessed 17.04.2020).

ЮНКТАД¹³, *сократился* на 2,7% (в то время как в ССАГПЗ вырос ровно на столько же). Однако он составлял в 2018 г. 63,3% от стоимостного объёма совокупного экспорта. Внутриблоковый импорт ЕС вырос в 2018 г. на 5,4% – до 64,5%. На сегодня никто не дал научного объяснения падению доли внутриблокового экспорта в ЕС, но очевидно, что для этого блока также характерна неравномерность процесса торговой интеграции. Это заставляет несколько более оптимистично смотреть на ситуацию в ССАГПЗ и говорить о наличии определенного потенциала роста в этой сфере.

Кроме того, внутриблоковая торговля имеет различное значение для разных стран объединения. Например, у Бахрейна на долю партнёров по ССАГПЗ приходится 42% экспорта и 48% импорта его продукции (Бахрейн не экспортирует углеводороды, но импортирует нефть из Саудовской Аравии по трубопроводу). Поэтому в ССАГПЗ основными партнерами Бахрейна по торговле товарами остаются Саудовская Аравия (23% экспорта, 40% импорта) и ОАЭ (11% экспорта, 5,3% импорта), при этом остальные государства-члены ССАГПЗ вносят незначительный вклад в торговый баланс Бахрейна по товарам (Al-Ubaydli, Jones 2018).

Помимо торговой интеграции важное значение для стран ССАГПЗ имеет успешное и углубляющееся инвестиционное сотрудничество (региональные и совместные внерегиональные ПИИ), они осуществляют последовательные действия по улучшению инвестиционного климата и условий функционирования иностранных инвестиций, в том числе – в рамках СЭЗ и посредством «электронного правительства». Так, в последние годы страны Залива осуществили некоторые заметные реформы, в том числе сокращение дорогостоящих и искажающих субсидий, введение НДС, а также реформирование деловой среды и рынка труда.

Страны ССАГПЗ подчеркивают наличие успехов и достижений интеграции в ряде направлений, среди которых выделяются: развитие человеческого потенциала (прежде всего образование и здравоохранение) и окружающей среды (в том числе управление водными ресурсами), сотрудничество в сфере безопасности, культуры, и СМИ, в сфере инфраструктуры, в научно-технической и внешнеполитической сферах, в том числе формирование стратегических диалогов с ведущими партнёрами (США, Китай, Индия), и т.д.

Отмечается, что подход, основанный на развитии инфраструктуры, в определённой степени способствовал укреплению экономической интеграции (Al-Asaad 2009). Примером этого является объединение электросетей ССАГПЗ. Этот проект обеспечил выгоды для всех государств-членов за счет повышения эффективности в энергетическом секторе и сокращения потребностей в инвестициях в новые мощности по производству электроэнергии. Он также способ-

¹³ UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 17.04.2020).

ствовал выравниванию цен на энергоносители из-за различных уровней субсидий в странах ССАГПЗ; устранению различий в национальной энергетической политике и в национальных нормативных актах в отношении трансграничной торговли электроэнергией; сохраняющейся дифференциации в структуре национального энергетического сектора стран. Проект, начавшийся в 2001 г., осуществлялся в три этапа, которые были завершены в 2012 г.

Интересно отметить, что ССАГПЗ объединили свои усилия в условиях распространения коронавируса. В частности, создан совместный оперативный центр, объединяющий все страны-члены, для координации региональных мер реагирования, и защиты, а также обмена опытом, на уровне министров здравоохранения¹⁴, что выгодно отличает ССАГПЗ от ЕС. В то же время страны ССАГПЗ вынуждены закрывать границы и вводить запреты, чтобы остановить распространение инфекции.

Кризис и экономическая интеграция (региональная торговля, торговая интеграция): взаимное влияние

Несмотря на рост взаимной торговли, инвестиций, формирование общего рынка, в ССАГПЗ сохраняются противоречия и «болевые точки», которые в сложных ситуациях создают предпосылки для эскалации конфликтов.

В прошлом и настоящем ССАГПЗ есть множество примеров региональной борьбы, которые рассматриваются как скрытый конфликт между суверенитетом и регионализмом и имеющих как экономические, так и политические причины. В качестве примера можно привести несколько давних пограничных вопросов, которые в регионе не были решены до 2000-х гг., включая соглашение о границе между ОАЭ и Оманом 2003 г.; урегулирование спора между Бахрейном и Катаром о Хаварских островах Международным судом в 2001 г.; и завершение разработки Соглашения о демаркации морских границ Кувейтом и Саудовской Аравией в 2000 г.

Некоторые пограничные вопросы всё ещё остаются актуальными, включая разногласия между племенами из Саудовской Аравии, ОАЭ и Омана по поводу оазиса Аль-Бурайми, столкновение из-за морских границ между ОАЭ и Саудовской Аравией, продолжающийся спор между Саудовской Аравией и Кувейтом по поводу добычи нефти в общей «нейтральной» пограничной зоне, которая всё ещё не имеет четкой демаркации. На протяжении многих лет эти две страны сталкивались из-за строительства нефтеперерабатывающего завода на этой общей территории, предоставления прав на добычу иностранным нефтяным компаниям и аккредитации работников, работающих в этом районе, что привело к длительной остановке двух месторождений, Аль-Хафджи и Аль-Вафра, между 2014 и 2015 гг.

¹⁴ GCC health ministers start joint operations room to combat coronavirus. URL: <https://www.thenational.ae/world/gcc/gcc-health-ministers-start-joint-operations-room-to-combat-coronavirus-1.992572> (accessed 17.04.2020).

Эти и другие подобные обстоятельства дают возможность некоторым исследователям утверждать, что глубинной основой ССАГПЗ остаются вопросы национального суверенитета, особенно остро стоящие перед малыми монархиями Залива.¹⁵ По этой причине формируются и двусторонние альянсы малых монархий с США (ЗСТ Бахрейн – США и Оман – США).

Наглядным примером «борьбы за суверенитет» стал и спор вокруг проекта единой валюты: когда этот проект был впервые запущен в начале 2000-х гг., его реализация могла бы оказать значительное влияние на суверенные вопросы фискальной и денежно-кредитной политики, координация которых в ССАГПЗ остаётся проблематичной. В результате такие важные инициативы, как валютный союз или соглашения по открытому небу, всё ещё не реализованы, так же как и не решен ряд вопросов об устранении торговых барьеров и дальнейшей интеграции энергетической инфраструктуры региона, например, через нефте- и газопроводы.

Проблемы и противоречия в интеграционном процессе ССАГПЗ традиционно объясняются как близостью отраслевых структур национальных экономик и всё её недостаточной их диверсификацией, так и стремлением стран сохранить свой суверенитет на региональном уровне.

Одной из острых «болевых точек» остается продолжающаяся борьба за региональное влияние между Саудовской Аравией и Катаром, особенно обострившаяся после «арабской весны» 2011 г.¹⁶ Это крупнейший дипломатический кризис в Персидском заливе со времён войны 1991 г. против Ирака, который вызвал волновые эффекты на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Однако нынешний дипломатический кризис – реальность, существующая уже более трёх лет, следовательно, оказывающий определённое влияние не только на социально-экономические, но и интеграционные процессы.

С начала июня 2017 г. (вскоре после визита Д. Трампа в Саудовскую Аравию) Катар подвергается бойкоту со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна (а также некоторых других арабских стран и при нейтральном отношении к ситуации Омана и Кувейта). Таким образом, три участника ССАГПЗ разорвали дипломатические, торговые и транспортные связи с Катаром, репатриировали свои инвестиции и своих граждан, запретив катарцам нахождение на своей территории (в том числе имеющим семьи и студентам), отрезали сухопутные, воздушные и морские пути в Катар и поставили ряд международных компаний, работающих в Заливе, перед выбором относительно того, где вести бизнес¹⁷.

¹⁵ Fawcett L. 2009. Alliances, Cooperation and Regionalism in the Middle East. *International Relations of the Middle East*. Oxford: Oxford University Press, Second Edition. P. 196.

¹⁶ Mohyeldin A. 6 June 2017. Qatar and Its Neighbors Have Been At Odds Since the Arab Spring. *NBC News*.

¹⁷ Barnard A., Kirkpatrick D.D. 5 Arab Nations Move to Isolate Qatar, Putting the U.S. in a Bind. *New York Times*. 2017/06/05. URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/05/world/middleeast/qatar-saudi-arabia-egypt-bahrain-united-arab-emirates.html> (accessed 17.04.2020)

Эти действия были предприняты в ответ на предполагаемую поддержку Катаром – одной из самых богатых стран мира – дестабилизирующих исламистских движений на Ближнем Востоке (нарушающую Эр-Риядское соглашение по безопасности от 2013 г.¹⁸) при росте влияния этой страны на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в том числе – в Иране и Сирии.

Катар, где в 2022 г. пройдет Чемпионат мира по футболу, в свою очередь, обвинил партнёров по региональному интеграционному объединению в попытке создать давление на свою экономику, в том числе туристический сектор и свою валюту через торговые механизмы. Товары из Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна запрещены к ввозу в Катар.

Саудовская Аравия и ОАЭ ожидали, что экономическая блокада Катара будет иметь экономические последствия уже в течение краткосрочного периода. Однако ВВП Катара в 2017 г. не только не сократился, но даже вырос на 1,6%, в то время как в целом по ССАГПЗ совокупный ВВП упал на 0,25%. Экономическая статистика Катара за 2017 – 2018 гг. показывает, что негативное влияние блокады на инвестиции и экономическую активность было умеренным. Во многом благодаря тому, что крупнейший в мире экспортер сжиженного природного газа, Катар отгрузил в 2017 г. 81 млн тонн, или 28% от общемирового объёма. Катар также экспортировал 600 тыс. баррелей нефти в день. Это, с учётом положительной динамики цен на мировом рынке углеводородов, существенно поддержало экономику страны. Кроме того, Катар ввёл около 38,5 млрд долл. из своих резервов, достигающих 340 млрд долл. в свою экономику, чтобы смягчить последствия эмбарго своих соседей¹⁹.

Однако дипломатический кризис негативно сказался на внутрирегиональной торговле, так как порядка 40% продовольственных товаров Катар получает через границу с Саудовской Аравией, хотя крупнейший торговый партнер Катара по экспорту – ОАЭ (рис. 5 и 6). А в результате сложившегося дипломатического кризиса на второе место как страна-импортёр Катара на региональном уровне вышел Оман, увеличив свой экспорт в Катар за 2017 – 2018 гг. более чем в три раза (681 206 тыс. долл. в 2018 г.).

Как видно из анализа представленных данных, совокупный экспорт Катара в страны ССАГПЗ за 2014 – 2018 гг. сократился весьма существенно – с 5 721 852 тыс. долл. в 2014 г. (исторический максимум) до 3371510,1 тыс. долл. в 2016 г. и до 1835867 тыс. долл. в 2018 г. – при росте его в третьи страны, прежде всего в Турцию и Иран, а также Индию. Индия в 2018 г. стала третьим по величине внешнеторговым партнером для Катара. После того, как Индия в

¹⁸ В мае 2017 г. в Эр-Рияде состоялся саммит стран ССАГПЗ, в рамках которого был подписан меморандум о взаимопонимании между странами ССАГПЗ и США, направленный на пресечение финансирования терроризма, созданный при Центре по борьбе с финансированием терроризма.

¹⁹ *Banks assess loan exposure as Qatar crisis deepens*. URL: <https://www.investing.com/news/stock-market-news/banks-assess-loan-exposure-as-qatar-crisis-deepens-534661> (accessed 17.04.2020)

2017 г. первоначально приостановила экспортные поставки в Катар, нормальные торговые потоки между двумя странами возобновились²¹. Стоимостной объём двусторонней торговли Индии и Катара вырос с 1,2 млрд долл. в 2005 г. до 3,7 млрд в 2009 г., а в 2018 г. достиг 12,3 млрд долл., увеличившись с 2016 г. на 42%.

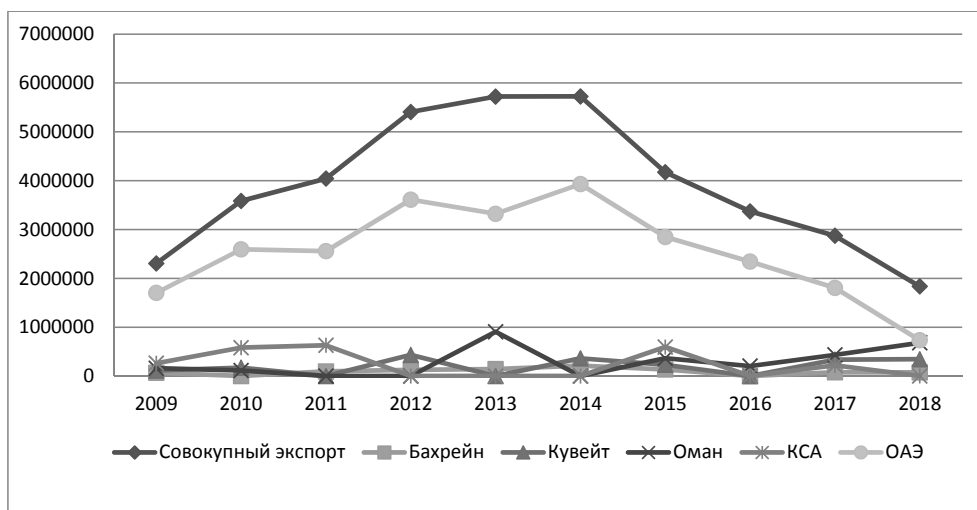

Рис. 6. Динамика экспорта Катара в страны ССАГПЗ, тыс. долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Pic. 6. The dynamics of Qatar's exports to the GCC countries, thousand dollars in current prices at the current exchange rate.

Источник: составлено автором по материалам UNCTAD²⁰.

Ещё более значительно сократился совокупный импорт Катара из стран ССАГПЗ, особенно из ОАЭ и Саудовской Аравии (рис. 7). Соответственно, четырём странам ССАГПЗ пришлось расширять свои внерегиональные торговые связи, а остальным – трансформировать региональную торговлю. Стоит отметить, что выход Катара из ОПЕК в январе 2019 г., после 60 лет членства в организации, не оказал существенного влияния, поскольку Катар был одним из самых «маленьких» членов ОПЕК, составляя менее 2% от общего объёма добычи нефти ОПЕК.

Помимо торговой сферы, давление и повышенные риски испытывает и банковский сектор ССАГПЗ: банки из государств, вводящих санкции, вывели депозиты и кредиты из Катара, а банки Катара активизировали продажу нестратегических кредитов тех стран, которые ввели экономическую блокаду.

²⁰ UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 17.04.2020)

²¹ Basu N. 2018. India's Exports to Take a Hit as Qatar Crisis Deepens. *Hindu Business Line*. January 12.

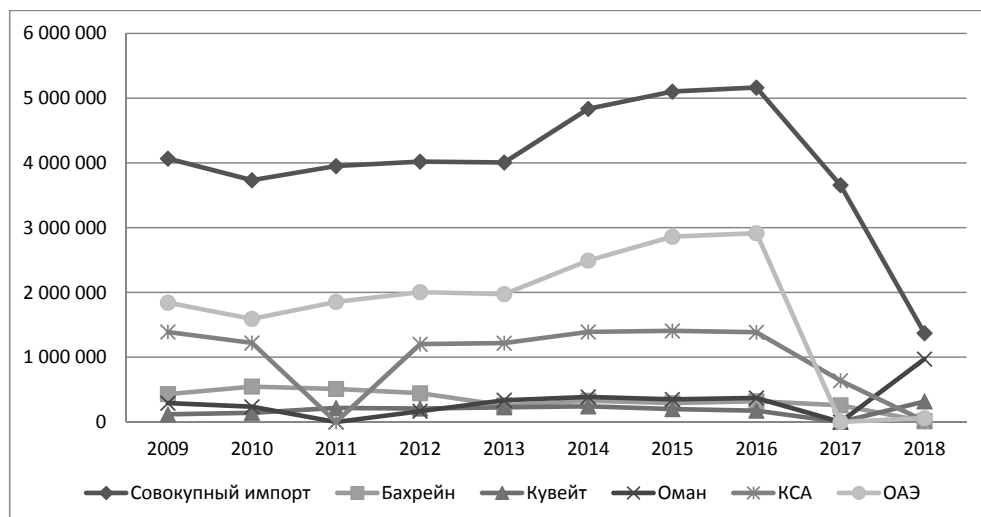

Рис. 7. Динамика импорта Катара из стран ССАГПЗ, тыс. долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Pic. 7. Dynamics of Qatar imports from the GCC countries, thousand dollars in current prices at the current exchange rate.

Источник: составлено автором по материалам UNCTAD²².

Следовательно, можно утверждать, что современный «дипломатический кризис» реально оказывает негативное влияние на региональную экономику. Он разделил ССАГПЗ, до сих пор практически единственное из действующих региональных экономических объединений в арабском мире, которое фактически приостановило свою деятельность из-за того, что три его члена бойкотируют Катар.

Кроме того, «катарский кризис» негативно сказался и на третьих странах. Например, Совет по содействию экспорту машиностроительной продукции (ЕЕРС) Индии отмечает, что поставки из Индии машиностроительной продукции в ССАГПЗ пострадали из-за кризиса, а банковские каналы, особенно в Дохе и некоторых других странах региона, также были нарушены²³.

В то же время устойчивый и совместный толчок к решению кризисных вопросов и дальнейшей экономической интеграции может принести большие выгоды как самим государствам ССАГПЗ, так и третьим странам. Находясь на пересечении старых и новых торговых путей, таких как энергетический коридор, который соединяет Африку, Ближний Восток и Азию, регион Персидского за-

²² UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 17.04.2020).

²³ India's engineering exports to Doha hit by Qatar crisis. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/indias-engineering-exports-to-doha-hit-by-qatar-crisis/articleshow/59141914.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed 17.04.2020)

лива имеет возможность использовать свое стратегическое географическое положение и развитую инфраструктуру для захвата растущей доли последующей торговли. Это, в свою очередь, укрепит глобальный статус региона как ведущего торгового и энергетического узла, ибо «...регион Ближнего Востока и Северной Африки, несмотря на имеющиеся очаги геополитической напряженности, играет одну из ключевых ролей в мировой экономике благодаря человеческим, нефтегазовым, финансовым и технологическим ресурсам» (Айдрус 2018). Соответственно, решение «дипломатического кризиса весьма положительно сказалось бы и на ближневосточном, и на глобальном уровне, что особенно важно в условиях нынешней глобальной рецессии.

ССАГПЗ сегодня остаётся одним из наиболее быстро, хотя и противоречиво, растущих интеграционных объединений. Увеличивается внешняя торговля стран ССАГПЗ, в том числе – внутриблоковая. Осуществляется диверсификация национальных экономик. Регион превратился в глобальный центр торговли, транспорта и энергетики, пользующийся передовой логистической инфраструктурой, хорошими дорожными сетями и современными средствами воздушного, морского и наземного транспорта, прочными транспортными связями и либеральным доступом на рынки в результате соглашений о свободной торговле и низких торговых барьеров. Это, в свою очередь, способствовало экономическому росту и расширению ненефтяной экономики региона.

Однако сохраняющиеся в ССАГПЗ проблемы и противоречия достаточно регулярно провоцируют внутриблоковые конфликты, крупнейшим из которых в XXI в. стал «катарский дипломатический конфликт».

Во многом этот конфликт можно рассматривать как имеющий внешние факторы, так как рост внутриблоковой торговли и, соответственно, усиление интеграционных процессов, не соответствует интересам внерегиональных держав, нагнетающих региональную нестабильность. Интересно, что в период глобальных кризисов и/или сохранения неблагоприятной торговой конъюнктуры на мировом рынке углеводородов всегда отмечался рост внутриблоковой торговли.

Однако решение многих проблем, сохраняющихся в интеграционном процессе ССАГПЗ – отсутствие наднациональных органов управления, близость отраслевых структур и, следовательно, межстрановая конкуренция на внешнем рынке, в том числе – конкуренция возможности развития высокотехнологичных отраслей, государственная собственность в сфере углеводородов, – безусловно, способно активизировать региональную экономическую интеграцию в ССАГПЗ и в определенной степени снять межгосударственную напряженность и противостояние. Вопрос в другом.

Политика ССАГПЗ всегда имела сильный элемент персонализации. Эта группировка была основана скорее на чувстве братства и общности между отдельными правителями, чем на процессе институционального строительства в стиле ЕС. У основателей было общее восприятие угрозы и определенное чув-

ство общего интереса. Между их странами существовало долгое наследие пограничных споров и исторических обид, но они рассудили, что объединять их гораздо сложнее, чем разделять. Однако поколение, основавшее ССАГПЗ, больше не руководит политикой стран Персидского залива. В результате традиционные механизмы посредничества не функционируют, и его будущее как блока находится под вопросом (Kinninmont 2019)²⁴.

В целом можно утверждать, что развитие интеграционных процессов и деэскалация конфликта соответствует как интересам всех стран и объединения в целом, так и росту их взаимодействия с третьими странами, что особенно важно в условиях продолжающейся мировой рецессии.

Об авторе:

Людмила Васильевна Шкваря – доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики Российского университета дружбы народов, директор Центра азиатских исследований РУДН, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6. E-mail: destard@rambler.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 12, 2020
Accepted: March 15, 2020

Integration and the Diplomatic Crisis: Current Realities of the GCC

L.V. Shkvarya
DOI 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)

Abstract: The article analyzes the integration process in the Gulf Cooperation Council group countries (GCC), which was founded in 1981. Regional economic integration in the GCC has passed through the several traditional stages: the Free trade zone, the Customs Union and the Common market. Certain exceptions remain in the GCC integration, but the countries aim to create a full economic Union by 2025. Currently, the GCC is one of the most advanced and successful integration associations in developing countries. However, the GCC is the only truly functioning integration bloc in the MENA region. The author's analysis confirms

²⁴ Kinninmont J. 2019. *The Gulf Divided: The Impact of the Qatar Crisis*. Research Paper. The Royal Institute of International Affairs Chatham House. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2019-05-30-Gulf%20Crisis_0.pdf (accessed 17.04.2020)

that the share of intraregional trade is growing in the GCC, but this share is less high than in other integration blocs. The author emphasizes that the GCC countries have significant success in the world market of goods and capital. The GCC trade turnover is growing steadily, although it depends on fluctuations in world oil prices. The GCC region attracts a lot of foreign investment and technology. This allows them to continue to diversify their national economies. The level and quality of life in the GCC is improving. These and other achievements are largely the result of regional economic integration and cooperation between countries in various areas on the world and regional markets. At the same time, the GCC is one of the most strategically important regions in the world economy and politics. Economic and political processes are influenced by many factors, both internal and external. Therefore, there are many contradictions in the GCC, and sometimes crisis situations are formed. One of them is the current "diplomatic crisis". It began in 2017 and has so far created numerous problems in the region and in the Arab world as a whole. It also has a negative impact on the development and deepening of integration processes. The author analyzed statistical data for 2009-2018 and justified the conclusion that the "diplomatic crisis" damages intraregional trade, reduces the dynamics of macroeconomic indicators, and worsens the position of the GCC countries in the world market of goods and capital. It also creates difficulties for citizens of GCC countries and companies that operate in the region. Now GCC countries should develop a mechanism to de-escalate the crisis, as this is in the economic and political interests of all participants and the Middle East as a whole. The relevance of the research is due to the need to analyze regional economic integration processes in the subregion in the context of growing global instability. The research makes a significant contribution to understanding the nature and features of integration processes in the Middle East.

Key words: GCC, Middle East, regional economic integration, integration Association, regional trade agreement (RTA), "diplomatic crisis", foreign trade, intraregional trade

About the author:

Lyudmila V. Shkvarya – doctor of Economics, Professor of the Department of Political economy of the Peoples' friendship University of Russia (RUDN University), Director Of the center for Asian studies, RUDN, 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6. E-mail: destard@rambler.ru.

Conflict of Interests:

Author declares the absence the conflict of interests.

References:

- Al-Asaad H.K. 2009. Electricity Power Sector Reform in the GCC Region. *The Electricity Journal*. 22(9). P. 58-64.
- Alasfoor R. 2007. *The Gulf Cooperation Council: its nature and achievements*. Department of Political Science. Lund University.
- Al-Ubaydli O., Jones E. 2018. *GCC Economic Integration: Opportunities and Challenges*. Background Paper for Bahrain. National Human Development Report. August.
- Balassa B.J. 1961. *The Theory of Economic Integration*. George Allen & Unwin Ltd. London. 324 p.
- El-Agraa A.M. 1989. *International Economic Integration*. London: MacMillan. DOI: 10.1007/978-1-349-10206-8_11
- Looney R.E. 2013. *The Omani and the Bahraini paths to development: rare and contrasting oil-based economic success stories*. Achieving Development Success: Strategies and Lessons from the Developing World.

Mishrif A., Al Balushi Y. (eds.). 2018. *Economic Diversification in the Gulf Region*. Volume II. The Political Economy of the Middle East. Cambridge: Gulf Research Centre.

Nechi S. 2011. Determinants of Trade Flows among GCC Countries: Potentials, Limitations, and Expectations. *World Review of Business Research*. 1(5), November.

Nugent N. 2017. *The government and politics of the European Union*. Palgrave.

Romagnolli A., Mengoni L. 2009. The Challenge of Economic Integration in the MENA Region: From GAFTA and EE-MFTA to Small Scale Arab Unions. *Economic Change and Restructuring* 42(1/2). DOI: 10.1007/s10644-008-9058-0

Sahib A.S.A., Kari F. 2012. Analysis of Intensity of Intra- Regional Trade in GCC Countries, 1998-2008. *International Journal of Trade, Economics and Finance*. 3(3).

Shkvarya L.V., Strygin A.V., Rusakov V.I. 2016. Geo-Economic Factors of an Intensification Development of Laos in Association of Southeast Asian Nation countries. *International Review of Management and Marketing*. 6(6). P. 121-125.

Viner J. 1950. *The Customs Union Issue*. New York: Carnegie Endowment for International Peace.

Aidrous I.A.Z. 2018. Arabskii mir i novye vyzovy: chto delat' ekonomike? [The Arab World and New Challenges: What Should the Economy Do?] *Russia and Asia*. 1(2). P. 61-64. (In Russian)

Fedorchenko A.V. 2010. Ekonomicheskaya integratsiya na Blizhnem Vostoke: dostizheniya ili upushchennye vozmozhnosti [Economic Integration in the Middle East: Achievements or Missed Opportunities]. *Bulletin of MGIMO University*. 5(14). P. 266-275. (In Russian)

Lomakin N.N. 2017. [Features of Regional Trade Agreements between Arab Countries] Osobennosti regionalnyh torgonyh soglasheniy mezhdu Arabskimy stranamy. *Mezhdunarodnye ekonomicheskiye otnosheniya: pluralism mneniy v epohu peremen*. The collective monograph. Moscow: MGIMO-University. P. 126-134. (In Russian)

Rusakov V.I. 2019. Strany SSAGPZ: investitsionnaya sostavlyayushchaya tekhnologicheskogo razvitiya [GCC Countries: Investment Component of Technological Development]. *Asia and Africa today*. №5. P. 34-40. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Айдрус И.А.З. 2018. Арабский мир и новые вызовы: что делать экономике? *Россия и Азия*. 1(2). С. 61-64.

Ломакин Н.Н. 2017. Особенности региональных торговых соглашений между арабскими странами. *Международные экономические отношения: плюрализм мнений в эпоху перемен*. Коллективная монография. Москва: МГИМО-Университет. С. 126-134.

Русаков В.И. 2019. Страны ССАГПЗ: инвестиционная составляющая технологического развития. *Азия и Африка сегодня*. №5. С. 34-40.

Федорченко А.В. 2010. Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности. *Вестник МГИМО-Университета*. 5(14). С. 266-275.